

“О способах вмешательства в течение событий”

В этом тексте читатель вряд ли найдет что-то особенно новое. Мне просто хотелось подчеркнуть некоторые аспекты проблемы революционного действия, которые находятся на периферии внимания исследователей пореформенной эпохи, а именно — вопрос об одном из мотивов стремления “образованного меньшинства” возглавить революционный процесс.

Путь к любому политическому движению лежит через определенный сдвиг в общественном сознании. Исполдволь, постепенно происходит переориентация различных социальных слоев от принятия status quo к отрицанию существующего положения вещей, к психологии политического протеста.

К началу 60-х годов для подданных Российской империи стала очевидна вся непоследовательность верховных преобразователей. Общество — от либералов до консерваторов — чувствовало себя обманутым. Не говоря уже о крепостных, которые, по словам очевидца объявления Манифеста 19 февраля в Саратовской губернии — князя В.И. Васильчикова, “никак не могли поверить, что вся царская милость в том заключается, что их еще на два года оставляют под этим гнетом”¹. К тому же, в проведении реформ власть действовала испытанным путем, отдавая распоряжения сверху и ожидая снизу лишь отчета об исполнении, не предполагая никакого “сотворчества” со стороны общества.

Ситуация нашла ярчайшее отражение в нашумевшем постановлении тверского дворянского собрания 1862 г. — “предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто убеждением, что правительство не в силах их совершить...” Эту идею внушала читающей публике и передовая журналистика того времени.

Один из каракозовцев, описывая в показаниях Следственной комиссии свой гибельный путь в подпольную организацию, говорил: “Современник” прямо проводил ту мысль, что не ждите ничего хорошего от правительства, ибо оно не в состоянии дать этого, хорошее можно взять только самому”².

Вопрос сводился к тому, каким способом и какими силами можно достичь тех преобразований, на которые неспособно правительство. Ответ был очевиден — если не должным образом проведенная крестьянская реформа, значит — крестьянская революция. Главной действующей силой грядущих перемен должно было стать наиболее заинтересованное лицо — народ. На первый план общественной мысли выдвигалась проблема роли масс в истории вообще и в периоды революционных кризисов в особенности. Каракозовец Вячеслав Шаганов, столкнувшийся с Н.Г. Чернышевским в 1871 г. в Сибири, вспоминал слова Учителя о том, что “центр тяжести лежит именно в народе, в его нуждах... Но только ни один народ до сих пор не спасал сам себя, и даже, в счастливых случаях, приобретая себе самодержавие, передавал его первому пройдохе”³.

Этот же взгляд на народ, далекий от идеализации его способности к самостоятельному революционному творчеству, пронизывает статьи Чернышевского конца 50-х — начала 60-х годов. Массы в силу своего социального положения слишком удалены от решения и даже осознания собственных проблем. “Нужда и невежество, — писал Чернышевский, — отымают у народа всякую возможность понимать государственные дела и заниматься ими”⁴. В таком состоянии масса оказывается всего лишь “материей для производства дипломатических и политических опытов”⁵.

В статье “Июльская монархия” (1860) Чернышевский указывает важнейшие, находящиеся в тесной взаимосвязи, факторы прогресса — политическая власть, материальное благосостояние и образованность⁶. Применительно к народным массам эти факторы образуют замкнутую цепь причин и следствий: народ не может быть приобщен к политической власти

из-за своей необразованности, просвещению масс мешает их материальное положение, а изменить последнее можно только при такой политической системе, которая будет действовать в интересах народа. Разорвать же этот порочный круг народ может только с помощью людей “близких к нему по чувству”⁷.

Многие представители разночинной интеллигенции претендовали на историческую роль народных заступников и наставников. Именно эти “лучшие люди” дают, по мнению Чернышевского, толчок историческому развитию, приводя общество к пониманию необходимости преобразований и направляя прогрессивную деятельность, когда “в краткие периоды усиленной работы” совершается решительный шаг вперед⁸. Выполняя свою ответственную миссию, они должны извлечь все возможное из коротких “минут одушевления” массы, ввести ее порыв в нужное русло. Знаменитую аллегория из статьи “Не начало ли перемены?” (1861) (о лошади, которая “ездит тихо и благоразумно — и вдруг встанет на дыбы... и понесет”) автор заключает следующими словами: “Будет ли какой-нибудь прок из такой выходки, или принесет она только вред, это зависит от того, даст ли ей направление искусная и сильная рука”⁹. Переводя эти образы на язык политических реалий России 60-х годов, заинтересованный читатель, улавливал между строк, что Учитель видит в демократической интеллигенции вождя масс в грядущей крестьянской революции, которая без умелого руководства окажется пустой тратой энергии народа. Ведь просвещение масс — дело многих поколений, а взрыв народного возмущения может произойти в самом ближайшем будущем.

Проблема действия могла решаться по-разному — умеренные круги склонялись к тому, чтобы определенным общественным давлением вынудить правительство на более решительные уступки, радикалы ставили на повестку дня подготовку к народной революции. В середине 1861 г. насыщенная всеобщим ожиданием, “политическим электричеством”,

предгрозовая атмосфера разрядилась потоком прокламаций. Печатные и рукописные, они наводняли столицы, появлялись в провинции, обращаясь к “образованным классам”, офицерам и солдатам, молодежи, крестьянству, призывая поверить в свои силы и добиться решительных перемен.

Все прокламации — от листовок “Великорусса” (№№ 1—3 появились последовательно в июне, сентябре и октябре 1861 г.) и воззвания “К молодому поколению” (сентябрь 1861 г.), вышедших из круга редакции “Современника”, до знаменитой “Молодой России” (май 1862 г.) — сходились на том, что “народ царем обманут”¹⁰, уповать на добрую волю правительства не приходится, и, главное, “долго медлить решением нельзя”. “Повсюдного” крестьянского восстания ждали к лету 1863 года, к сроку окончательного составления уставных грамот, когда народ надеялся получить “настоящую волю”.

Наиболее животрепещущей проблемой оказывался вопрос о возможности мирного исхода из создавшейся ситуации, пока “время поправить беду еще не ушло”. “...Крестьянский топор, крестьянская, имеющая естественно, сама собой произойти революция, — для одних пугало, для других желательное и немного страшное неизвестное — вот фон всего революционного мышления того времени”, — писал современник¹¹. Крестьянам объясняли, что раз царь такой же помещик, как и их хозяева, то “не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно”¹², призывали собираться с силами и ждать сигнала от своих “доброжелателей”. Общество предупреждали, что вскоре “надобно ждать больших смут”, и чтобы избежать их “образованные классы” должны объединиться, “обуздать правительство и руководить им”, заставив “устранить причины к восстанию”¹³.

Хаосом народного бунта пугали власти, *но боялись его и сами*. Мне кажется, что опасения, высказанные Чернышевским в “Письмах без адреса”, вовсе не “подцензурный прием”¹⁴, как утверждает их комментатор, и не военная хитрость. Ценя больше всего на свете свободную человеческую

личность, в равной степени попираемую произволом, “на котором базируется и верховная власть в России и народное стремление к воле”¹⁵, Чернышевский был искренен, когда писал, что “все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки”¹⁶. Лично его, возможно, действительно не испугали бы “мужики с топорами”, как он говорил в “Дневнике”. Но Чернышевский предостерегал своего адресата, что масса, которой не коснулось просвещение, “станет уничтожать всю нашу цивилизацию”¹⁷. “Цивилизация” — вот то общее, что равно ценно для извечных антагонистов — власти и общества, одинаково оторванных приобщением к западной культуре от русского народа. Поэтому Чернышевский и обращается к императору с предложением совместными усилиями позаботиться “о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и для нас”¹⁸.

Страх перед “новой пугачевщиной” проскальзывает в некоторых прокламациях, в показаниях молодых людей, проходивших по делу Дмитрия Каракозова. Слова Леонида Оболенского о том, что “крестьяне теперь так не образованы, что в случае переворота или революции народ уничтожит всех образованных людей, считая их своими врагами”¹⁹ — почти цитата из Чернышевского. На этом чувстве пытался сыграть и ожидавший восстания в 1870 г. Сергей Нечаев, вербуя новых членов в “Народную расправу”. По словам одного из его ближайших сподвижников Алексей Кузнецова, неофитов убеждали, что участие в организации “нужно ради их же самих, ибо иначе народ, когда поднимется, истребит всех, кто не в наших рядах”²⁰.

Для большинства прокламаций характерен тезис о том, что во всех возможных эксцессах революционной борьбы виновато правительство. Помимо воззваний упомянутых выше, эта мысль последовательно проводится в обращении “От Русского Народного Комитета”, открывающего издание “журнала общества “Земля и Воля” (январь 1863 г.), листовках “Льется польская кровь, льется русская кровь...” (февраль 1863 г.)

и “Свобода” №1 (к. 1862 — н. 1863 г.) — “при жестокости и тупоумии правительства” неизбежная народная революция “может получить исполинские размеры кровавой драмы”²¹.

Такая идея не только давала революционерам моральную санкцию на применение ответных мер против правительственных репрессий, но и снимала с них ответственность за развязывание стихии народного бунта, разрушительных последствий которого они сами опасались, несмотря на все свои зажигательные декларации. Организация революционного меньшинства должна была сыграть роль сдерживающего и направляющего фактора для спасения общества от гибели в хаосе революционной катастрофы. Вероятно, повышенный рационализм эпохи 60-х вселял в “штурманов грядущей бури” уверенность в том, что им по силам будет руководить разливом волн народного моря.

Если избежать восстания не удастся, революционное меньшинство должно взять на себя подготовку и руководство вооруженным выступлением масс, чтобы, как выражались авторы “Великорусса”, направить восстание “благотворным для нации образом”²². Для этого “вожакам” движения предстояло с одной стороны, объяснить “народу и войску все зло, сделанное императорской властью”²³, а с другой — показать, что есть люди, “действующие на пользу народа без различия состояний”²⁴, то есть помочь массам определить своих союзников в борьбе и направить энергию протеста в нужное русло. Такая постановка вопроса о соотношении роли народных масс и разночинной интеллигенции в революции, не уводя шестидесятников от оценки народа как основы движения, всю инициативу предоставляла революционному меньшинству.

Вольнослушатель Московского Университета, брат известного эмигранта, Иван Кельсиев, сосланный в феврале 1862 г. в Пермскую губернию за участие в студенческой истории и снова арестованный 30 июля того же года в связи с обнаружением его сочинения

“противоправительственного характера”, писал: “Мы переживаем ... то время, когда передовые люди уже выходят на борьбу, а масса еще молчит, еще не осознала себя, как нечто целое, как единую и непреодолимую силу”²⁵. При таком состоянии оторванности революционного меньшинства от масс пропаганда в народе, развитие его самосознания необходимо. Народу нужно помочь разобраться в тех силах, которые его окружают, показать — кто друг и кто враг, чтобы его стихийный протест не обратился против тех, кто рискует для него жизнью²⁶.

Этот момент особо подчеркнут автором и остроту его подтверждают взаимоотношения массы и революционного меньшинства на протяжении многих десятилетий русского освободительного движения. Вопрос о том, способен ли народ на открытое сопротивление власти, остается для Кельсиева открытым. Но, в сущности, считает он, можно обойтись и без “поголовного восстания”, всегда связанного с опустошениями и кровопролитием. “Для реформы необходимо только согласие народа, а сила найдется и в образованном меньшинстве”²⁷.

Возможно здесь же лежит одна из причин устойчивости бланкистских тенденций в русском освободительном движении. По словам известного исследователя этого феномена Е.Л. Рудницкой, “русское революционное движение несло в себе неизменную устремленность” к бланкизму, так как революционная практика “опережала реальные исторические предпосылки для выдвигаемых социально-политических целей”²⁸. Это базовая, объективная причина, но в своих действиях люди часто руководствуются более субъективными мотивами. Одним из них могло быть вполне справедливое опасение “образованного меньшинства” за судьбы людей “в немецком платье”, которые могли пасть жертвой разрушительной стихии народного бунта, и попытка добыть “социальный рай” и для себя и для народа собственными силами, вера в которые была в начале 60-х почти безграничной.

На мой взгляд, это отражение наиболее характерных черт всего движения 60-х годов с его скептическим отношением к народу как самостоятельной силе и претензией недавно эмансипированной личности из числа разночинного “молодого поколения” на роль лидеров, вождей освободительной борьбы. Стремившаяся к самореализации революционная молодежь 60-х годов, слишком торопилась к светлому будущему, чтобы дожидаться политического “совершеннолетия” масс.

---

¹ Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М. 1965. С. 451.

² ГАРФ. Ф. 272. Оп.1. Д.15. Л.219 (об.).

³ Шаганов В.Н. Чернышевский на каторге и в ссылке. СПб. 1907. С.28—29.

⁴ Чернышевский Н.Г. ПСС в 15 томах. М., 1939—1950. Т. 5. С. 217.

⁵ Там же. Т. 8. С. 83.

⁶ Там же. Т. 7. С. 857.

⁷ Там же. Т. 7. С. 97.

⁸ Там же. Т. 6. С. 12—13.

⁹ Там же. Т. 7. С. 881—882.

¹⁰ Тезис выдвинут Н.П. Огаревым в статье “Разбор нового крепостного права” // “Колокол”. 1861. Л.101, 103—106.

¹¹ Николаев П.Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России. // Литературное наследство. М. 1977. С. 411.

¹² “Барским крестьянам от их доброжелателей поклон” // Н.Г. Чернышевский. Письма без адреса (сб. ст.). М. 1983. С. 301.

¹³ “Великорусс” // Н.Г. Чернышевский. Письма... С. 305, 313.

¹⁴ Н.Г. Чернышевский. Письма... С. 548.

¹⁵ В. Кантор. Срубленное древо жизни (Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском). // “Октябрь”. №2. 2000. С. 179.

¹⁶ Н.Г. Чернышевский. Письма... С. 479.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д.12. Л. 315(об.); Д.13. Л. 205 (об.).

²⁰ Нечаев и нечаевцы. Сб. материалов под ред. Б.П. Козьмина. М—Л. 1931. С. 108.

²¹ Русско-польские революционные связи. М. 1963. Т. 2. С. 433.

²² “Великорусс” // Н.Г. Чернышевский. Письма... С. 313.

²³ “К молодому поколению” // Историко-революционная хрестоматия. М. 1923. Т. 1. С. 30.

²⁴ Там же. С. 50.

²⁵ Политические процессы 60-х. М—Пг. 1923. С. 77.

²⁶ Там же. С. 77—78.

²⁷ Там же. С. 78—79.

²⁸ Е.Л. Рудницкая. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М. 1992. С. 3—4.